

Евдокимова Марина Петровна

СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ "ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА" В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА

В статье автор анализирует произведения А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина, посвященные военным событиям в России конца XX века. Герои А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина изображены сильными, жесткими, порою хладнокровными, но нередко они одолеваемы страхом, способны на сочувствие и сострадание и готовы прийти на помощь близкому человеку в любой ситуации. Герой В. Маканина, в отличие от остальных, на определенный момент оказывается в "плёну" красоты внешности врага.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

«того света». Этот инициатический путь лирический герой преодолевает через «катание в лодочке», которое предназначалось и былинным героям, и Печорину, и Ставругину. Кроме того, нельзя отрицать и возможных фольклорных основ образа, потому что поэт испытал значительное влияние трудов и сказок Афанасьева (так же как и Есенин, Цветаева), где тонко и точно переданы архаические мифологические представления о мире, небесном своде, среди которых важное место занимает архетип корабля/ладьи.

Список источников

1. Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991. 336 с.
2. Бальмонт К. Д. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. 591 с.
3. Бальмонт К. Д. Стозвучные песни. Сочинения (избранные стихи и проза). Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 262 с.
4. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2010. Т. 1. 504 с.
5. Бонгард-Левин Г. М. «Свет мой, Индия, святыня». Индийская тематика в творчестве Константина Бальмонта (1867-1942). URL: <https://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2751> (дата обращения: 19.04.2017).
6. Горелов А. А. Заметки о фольклоризме М. И. Цветаевой (статья 1) // Русский фольклор: сб. ст. / под ред. М. В. Рейли. СПб.: Наука, 2011. Т. XXXIV. С. 282-295.
7. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худ. лит., 1957. Т. 7. С. 7-516.
8. Кнабе Г. С. Понятие энтелехии и история культуры // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 64-74.
9. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново: Иваново, 2001. 472 с.
10. Петрова Т. С. Мифологема пути в лирике К. Д. Бальмонта 1890-х гг. – 1905 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://balmontoved.ru/almanah-solnechnaja-prjazha/243-ts-petrova-g-shuja-mifologema-puti-v-lirike-k-d-balmonta-1890-h-gg-1905-g.html> (дата обращения: 30.09.2016).
11. Трубецкой Е. Н. Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва, 1922. С. 17-24.
12. Dudareva M. A., Tetik K. The National Image of the World in Poetics of K. D. Balmont and S. A. Yesenin: The Urban Space and Indian Cosmos // Man in India. 2017. Vol. 97. № 3. P. 587-596.

THE PERFECT TOPOS AND ITS SYMBOLS IN K. D. BALMONT'S POETRY (ON ONE POEM)

Dudareva Marianna Andreevna, Ph. D. in Philology
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
mariana.galieva@yandex.ru

Tetik Kevser
Lomonosov Moscow State University
kevser.tetik@mail.ru

This article is a research of the folklore and mythological foundations of the shallop image, which is associated with the notions of an ideal place, topos. The object of the study is the early poem by K. Balmont «Челн томленья» (“Shallop of Languor”), where the poet is playing the image of the shallop and the mythologem of the way. The representations about a wonderful ship, boat, shallop make the researchers refer to the traditions of Russian and world folklore, with which K. D. Balmont was well acquainted. The poet studied folklore, he was interested in the works of A. N. Afanasyev; the archetype of the ship / shallop held a special place among the poet's folklore images. The folklorism of Balmont's creative work is of a latent character.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; ideal topos; Balmont; shallop; ship.

УДК 8; 821.161.1

В статье автор анализирует произведения А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина, посвященные военным событиям в России конца XX века. Герои А. Проханова, А. Бабченко, С. Тютюнника, В. Маканина изображены сильными, жесткими, порою хладнокровными, но нередко они одолеваемы страхом, способны на сочувствие и сострадание и готовы прийти на помощь близкому человеку в любой ситуации. Герой В. Маканина, в отличие от остальных, на определенный момент оказывается в «плени» красоты внешности врага.

Ключевые слова и фразы: чеченская война; А. Проханов; В. Маканин; А. Бабченко; С. Тютюнник.

Евдокимова Марина Петровна, к. филол. н.
Армавирский государственный педагогический университет
evdokimova.m.p@mail.ru

**СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА**

Роман А. Проханова «Чеченский блюз» опубликован в 1998 году в журнале «Наш современник» [8]. Это книга о тех, кто отправлял новобранцев на верную гибель, кто делал свои грязные деньги на людских

трагедиях, о чести и долге российских солдат, отдающих жизни за корыстные интересы продажных политиков. Главный герой – командир роты капитан Кудрявцев. Его бригада оказывается во главе колонны танков, движущихся на Грозный. Писатель изображает его как личность, имеющую вполне осмысленную цель: восстановить мир и порядок во вверенном ему городе, который был для капитана огромен и неведом и сулил непредсказуемое будущее, где он проявит отвагу, удачливость и героизм.

Кудрявцеву, увидевшему не просто бой, а бойню, в которой в один миг не стало всей российской колонны, оставалось только, цепенея от страха, бежать и спастись. Его «окопом» становится трехэтажный дом, из которого чеченцы выселили русских жильцов. Спасшихся на площади и волею судьбы заброшенных в этот дом, осталось пятеро солдат и капитан. Это были молодые ребята, загнанные и испуганные. Они вместе наблюдали из окон, как вели и били пленных, как встречали телевизионщики Дудаева. Кудрявцев, ощущая себя бессильным и униженным, испытывая отвращение к себе и ненавю генерала, который послал их в Грозный, все же принял решение выполнять приказ до конца и занял с солдатами оборонительную позицию. Жесткость и сила вернулись к капитану после того, как в его руках снова оказался автомат. Видя обугленные боевые машины, хоть и стыдясь этого, Кудрявцев испытывал тайную радость, что это не он лежит в этих башнях.

Точная характеристика личности героя романа «Чеченский блюз» содержится в статье В. Шульженко «Диалог с Толстым», в которой Кудрявцев «предстает человеком, воспитанным в духе традиционной русской культуры, несколько меланхоличным, но уж никак не склонным к беспричинной агрессии и слепой ненависти» [11, с. 3].

В. Шульженко справедливо указывает на то, что личность героя «претерпевает в романе существенную эволюцию, которая на сюжетном уровне разбита на несколько этапов» [Там же]. Названные далее исследователем этапы обозначены и в нашем анализе: первый – Кудрявцев в начале романа – «расценивает себя и свои предстоящие действия как полностью сообразующиеся с духом и буквой присяги, данной им государству», второй – гибель на глазах героя всей российской бригады – «он находится в довольно продолжительном шоке», третий – осмысление произошедшего и принятие решения – «Кудрявцев испытывает мучительное изумление, уже не связанное со страхом за собственную жизнь, и пытается понять, что же случилось и откуда пришло несчастье» [Там же].

Кудрявцев, испытывая к солдатам отцовское чувство, был готов заслонить их, принять на себя грозящую им опасность. Но не он «заслоняет» солдат, а они спасают ему жизнь, жертвуя собой. Кудрявцева, смелого и решительного в начале повествования, постоянно преодолевают сомнения: прав ли был он, заняв оборону в доме. Герой страдает от внутренней раздвоенности, в чем, на наш взгляд, проявляется амбивалентность его личности.

Второй линией повествования в романе становится встреча Нового года в московском особняке банкира, влиятельного предпринимателя Якова Бернера. Он изображен богатым, всесильным и развратным. Яков вхож в президентскую семью, имеет власть над министрами и генералами. Он – один из тех, кто развязал эту войну. Ему нужен контроль над нефтью Чечни, ему необходимы деньги и власть над людьми.

Появление этой сюжетной линии «помогает» автору дать ответы на вопросы, волновавшие главного героя, она раскрывает деятельность многих столичных персонажей в то время. Две линии повествования в романе не соприкасаются, но, по справедливому замечанию В. Шульженко, представляют собой цельную «масштабную политическую игру... две сложившиеся в России к концу века модели жизни, её так сказать, “верх” и её “низ”» [Там же].

А. Проханов, на наш взгляд, не скупится на краски, описывая чеченских боевиков. Этому свидетельствуют сцены, в которых они отправляют естественные нужды на тела русских солдат, отрезают голову российскому офицеру, и ее, как мячик, подбрасывает чеченский ребенок. Эпизоды зверства «чехов» мы наблюдаем и в цикле «Десять серий о войне» А. Бабченко: «“Чехи” вскрыли его (сбежавшего российского солдата. – М. Е.), как консервную банку, достали кишечник и удушили его, еще живого, собственными кишками» [1, с. 7]. Такие жесткие кровавые описания мы встречаем не только в романе А. Проханова, рассказах А. Бабченко, но и практически во всех произведениях, посвященных чеченской войне. Примером могут служить романы Д. Черкасова, Л. Пучкова, В. Доценко и других. Последние же во главе с А. Прохановым жестко обвинены А. Бродски в расизме и античеченской пропаганде. Анализируя их романы, американский профессор в основе произведения видит лишь миф, единственной целью которого является «доказать, что чеченцы – вероломные, растреленные, примитивные существа» [2]. На наш взгляд, столь категоричное мнение А. Бродски по отношению к А. Проханову несправедливо и требует пояснения, так как писатель в своих высказываниях неоднократно говорит о двойственном отношении к чеченцам (заметим, что так же к ним относится и Кудрявцев). В доказательство своих слов мы приведем цитату из монолога писателя «Воинская церковь – надгробие»: «Когда я писал “Чеченский блюз”, невольно вспоминал Толстого – его “Хаджи-Мурата”. Та же ситуация: Кавказ, война, русские войска. Тот же противник, к которому испытываешь, как и герои Толстого, двойственные чувства. С одной стороны, это противник государства, империи, армии, противник, который бьет твоих товарищей, готов тебя мучить и пытать, если ты попадешь к нему в плен. С другой стороны, это благородные горцы, свободолюбивые воины, к которым невольно испытываешь чувство внутреннего сочувствия, симпатии. И моих героев я пытаюсь все время сравнивать с толстовскими героями» [5].

Национальный вопрос поднимает и С. Тютюнник в повести «Обломок Вавилонской башни», опубликованной почти через пять лет после начала первой чеченской войны. Она посвящена столкновению между ингушами и осетинами в районе Владикавказа, где российские части оказываются «в плену» конфликта двух наций.

Герои А. Проханова, А. Бабченко, В. Маканина и других авторов четко знали, что их враг – чеченский боевик, а старший лейтенант Георгий Чихория – главный герой повести С. Тютюнника – становится «заложником»

национального вопроса. Полугрузин-полурусский, избитый в начале повествования подростками-ингушами, проколотый заранее приготовленной спицей, он не стремится их расстрелять: «Эти пацаны одинаковы и у ингушей, и у осетин, и у русских», – думает Сергей [10, с. 67].

Оказавшись в зоне межнационального конфликта, армия, стоящая между народами, становится главным противником для враждующих сторон. Чихория, его сослуживцы и подчиненные, как и Кудрявцев, испытывают лишь растерянность, страх и безволие. Они так же вовлечены в «круг» нелепой политики. Как и прохановский герой, Чихория с небольшой группой занимает оборону объекта, всем сердцем переживает за солдат и впервые в жизни проливает чужую кровь, но не задумывается об этом серьезно. Однако, в отличие от Кудрявцева, вникнув в план правительства, вернувшись с задания, Чихория пишет рапорт и требует увольнения из армии.

Кудрявцев видит на своем пути в Грозном много смертей. Описанию смерти А. Проханов уделяет много внимания. К детальному натуралистическому изображению смерти прибегает и В. Маканин в произведении «Кавказский пленный»: «...проломив ребра, пули вынесли наружу все его нутро – на земле (в земле) лежало крошево ребер, на них печень, почки, круги кишок, все в большой стылой луже крови... Боярков лежал перевернутый с огромной дырой в спине. А его нутро, вместе с пулями, лежало в земле» [4, с. 11]. «Кавказский пленный» В. Маканина опубликован в журнале «Новый мир» в 1995 году, когда война в Чечне только началась, а уже на страницах его произведения «ведет бой» молодой, но опытный, знающий стратегию поведения в «горячей точке» солдат Рубахин. В отличие от Кудрявцева А. Проханова и Чихория С. Тютюнника, неопытных и впервые убивших своими руками человека, Рубахин предстает тренированным и закаленным бойцом. В какой-то момент он оказывается в плену красоты, но красоты не гор и местности, которые его поразили, а красоты внешности чеченского юноши, взятого им в плен. До абсурда доходит рассказ писателя в сценах передвижения Рубахина и Вовки-стрелка с пленным в ущелье на выручку к своей роте. Солдат не просто внушает чеченцу, что с ним ничего не случится, а вступает с ним в «панибратские» отношения: отдает ему свои носки, сам стирает до мозолей ноги в сапогах, пленный сладко спит на его плече, а Рубахин в свою очередь боится пошевелиться, дабы не разбудить пленного. Последний же недвусмысленно ему подыгрывает, но, увидев «своих», все же пытается обмануть, вследствие чего оказывается убитым, а солдат переживает «убийство красоты». Справедливо, на наш взгляд, мнение М. Ремизовой в статье «Война изнутри и снаружи», что данный рассказ эта «некая схема столкновения несовместимого... и о подлинности тут не могло быть и речи» [9, с. 183].

В финале романа А. Проханова Кудрявцев и его несколько уцелевших солдат все же видят российские войска и держат бой. И так, нами были проанализированы произведения о чеченской войне А. Проханова, С. Тютюнника, В. Маканина. Главные герои этих произведений, с нашей точки зрения, это амбивалентные личности. Сильные, жесткие, порою хладнокровные, но нередко, одолеваемые страхом, они способны на сочувствие и сострадание и готовы прийти на помощь близкому человеку в любой ситуации.

В центре романа А. Проханова «Идущие в ночи» – реальные события второй чеченской войны, эпизод, связанный с освобождением Грозного – разгром и гибель боевиков Басаева в ловушке, устроенной российской разведкой. В разработке операции главным образом участвует русский офицер – в произведении А. Проханова это полковник Пушкив.

С первых страниц мы погружаемся в жесткую атмосферу ночного, разрушенного войной, бьющего огнем города. И в этом «аду» действуют главные герои романа – полковник Пушкив и его сын, молодой лейтенант Валерий Пушкив. Имея возможность отправить сына в тыл, полковник, с одной стороны, не выделяет его среди сослуживцев, с другой – просто не верит в возможность смерти своего единственного сына и старается никогда об этом не думать.

Для понимания полной картины их семейной жизни автор прибегает к воспоминаниям Пушкивстаршего, в которых раскрывает их жизнь до войны в Чечне. Полковник тайно от сына чувствовал свою вину, поскольку он посылал Валерия в бой, бросал под пули чеченцев. Но, пряча эту слабость, он внушал сыну веру в свое отцовское могущество. Последнее свидание отца и сына, последний их разговор, последующая гибель их одного за другим при исполнении воинского долга – сильнейшие страницы в романе.

Интересен в романе и образ оператора-журналиста Литкина. Он работает по найму французского телеканала. Оператор снимает фильм, прославляющий чеченских боевиков, воспевающий их мужество и героизм. Он смел и удачлив и ради денег и своего «творения» Литкин не останавливался ни перед чем. Перед нами страшный пример эгоцентрической личности.

Находясь в лагере чеченцев, он запечатлел на камеру мучения пленных российских солдат, огромное упоение в нем вызвала сцена смерти Звонарева: «Чеченец держал за волосы голову, стряхивая в таз красные брызги. Литкин в восторге снимал, стараясь заглянуть телекамерой в голубые глаза» [7, с. 92]. На наш взгляд, личность Литкина лишена духовно-нравственного равновесия: это не человек, а робот, работающий по заданной программе, себя же журналист считает «избранным», «ниспосланным Духом разрушения». Оператор, попав вместе с боевиками на заминированное поле, не подчиняется естественным инстинктам и не убегает от взрывов, а, ощущая себя «великим творцом», он снимает, как убегают и тут же взрываются полоумные люди. Война для Литкина на протяжении многих дней была «всеми», но, после того как он отснял фильм, она вдруг перестала быть для него важной, да и оператор, убитый спецназовцем Коровко, стал ей не нужен. В небольшой статье «Идущие в бессмертие», напечатанной в газете «Завтра», прямо называется прототип персонажа – Бабицкий [3, с. 5]. В романе много узнаваемых личностей, которые богатеют и наживаются за счет этой войны. Их мы видим в конце романа на приеме во дворце олигарха Парусинского.

Своим настоящим именем назван в произведении Шамиль Басаев. Однако его автор не демонизирует. Личность Басаева представлена двояко. В начале он являет собой образ беспощадного воина, ненавистника

русских, богача и мечтателя, задумавшего создать исламскую империю на Кавказе и решившего чего бы это ему ни стоило иметь безраздельную власть над своим, им же обманутым народом. Город был практически уничтожен Басаевым, и он не испытывал сожаления. Но его личность кардинально меняется в сценах с русской любовницей Верой. В них писатель словно «заглядывает» в душу боевика, где тот возрождается и оживает. Нежный, совершенно иной, Басаев ждал от нее совета, планировал их «светлое» совместное будущее, одаривал ее драгоценностями: «Он потянулся к ней, обнял за пояс, положил свою голову ей на грудь и, закрыв глаза, подумал, что не нужно ни побед, ни походов, ни праведного возмездия, лишь бы не кончалась эта сладостная секунда и его голова лежала у нее на груди» [6, с. 79]. С нашей точки зрения, эти сцены вызывают сомнения по поводу мыслей чеченского лидера, столь ненавидящего русских и отдавшего во власть картам, разложенным русской девушкой Верой.

Диологию А. Проханова о чеченской войне многие критики назвали правдивыми произведениями, написанными лучше других авторов, о войне в Чечне (Ю. Бондарев, Д. Горбачев, Л. Данилкин, А. Дугин, В. Шульженко).

Список источников

1. Бабченко А. Десять серий о войне // Октябрь. 2001. № 12. С. 5-42.
2. Бродски А. Чеченская война в зеркале современной российской литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/70/br22.html> (дата обращения: 21.05.2017).
3. Идущие в бессмертие // Завтра. 2000. Октябрь. № 16.
4. Маканин В. Кавказский пленник // Новый мир. 1995. № 4. С. 5-78.
5. Проханов А. Военская церковь – надгробие [Электронный ресурс]. URL: http://rd.rusk.ru/98/rd11/home11_5.htm (дата обращения: 21.06.2017).
6. Проханов А. Идущие в ночи: роман // Наш современник. 2001. № 1. С. 21-112.
7. Проханов А. Идущие в ночи: роман // Наш современник. 2001. № 2. С. 23-124.
8. Проханов А. Чеченский блюз: роман // Наш современник. 1998. № 8. С. 5-72.
9. Ремизова М. Война изнутри и снаружи // Октябрь. 2002. № 7. С. 183-188.
10. Тютюнник С. Обломок Вавилонский башни // Дружба народов. 1999. № 8. С. 34-76.
11. Шульженко В. Диалог с Толстым // День литературы. 2008. Февраль. № 2.

**THE ORIGINALITY OF LITERARY IMPLEMENTATION OF THE PROBLEM “MAN AND WAR”
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE TWENTIETH CENTURY**

Evdokimova Marina Petrovna, Ph. D. in Philology
Armavir State Pedagogical University
evdokimova.m.p@mail.ru

The article analyzes the works of A. Prokhanov, A. Babchenko, S. Tyutyunnik, and V. Makanin, dedicated to military events in Russia at the end of the XX century. The characters of A. Prokhanov, A. Babchenko, S. Tyutyunnik, and V. Makanin are depicted as strong, tough, sometimes cold-blooded, but often they are overcome by fear, are capable of sympathy and compassion and are ready to help a loved one in any situation. The hero of V. Makanin, unlike the others, at a certain point is in the “captivity” of the beauty of the enemy’s appearance.

Key words and phrases: Chechen War; A. Prokhanov; V. Makanin; A. Babchenko; S. Tyutyunnik.

УДК 82-313.2

В статье рассматривается одна из ключевых проблем романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» – проблема воспитания человека и значение воспитания в преобразовании всего общества. Выявляются основные особенности предложенной писателем системы воспитания, показывается их связь с культурой античности и философией русского космизма. Обосновывается актуальность размышлений прозаика о проблемах воспитания человека и изменения общества для современности, отмечается принципиальность рационального начала в фантастическом произведении.

Ключевые слова и фразы: Ефремов; «Туманность Андромеды»; утопия; воспитание; человек; общество.

Емельянов Игорь Степанович, к. филол. н.
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
krzl@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В РОМАНЕ И. А. ЕФРЕМОВА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ»

Утопические воззрения сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Один из самых масштабных утопических проектов русской литературы XX века представлен в романе «Туманность Андромеды»